

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (38). 02

АРХАИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОРНИ РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.М. СТРОГЕЦКИЙ

Нижегородский государственный лингвистический университет

e-mail:strogetsk@lunn.ru

В работе рассматриваются истоки зарождения раннегреческой исторической мысли. Автор усматривает корни историографии в социальном устройстве архаического греческого общества (VIII-VI вв. до н.э.). Формирование полиса, с одной стороны, и рождение индивидуализма, с другой стороны, привели к появлению общественной потребности в увековечивании памяти о важных событиях, но историческая мысль сразу же приняла четко выраженные индивидуальные черты. Тексты первых историков-логографов находятся в тесной взаимосвязи с эпосом и лирикой и отражают также социальные процессы в раннем полисе.

Ключевые слова: история, традиция, логографы, общество, архаический, Греция, полис.

Греческая историография как повествование, как искусство рассказа о прошлом и, наконец, как далекая предшественница современной исторической мысли имела социально-экономические, политические и психологические корни, заключавшиеся в тех событиях и явлениях, которые происходили почти во всех областях Греции в архаическое время. Важнейшими процессами этого периода были следующие.

VIII-VI вв. до н.э. отличались расширением контактов с Восточной Эгеидой и распространением ориентализирующего стиля в искусстве¹. Имело место взаимопроникновение культур. Это способствовало развитию торговли, ремесла, денежного обращения, укрепления частной собственности. Уже Алкею, поэту VII в. с о. Лесбоса, известна поговорка «*χρήματα, χρήματ ἀνὴρ*» («Жизнеотношение, 64(360) - «деньги + деньги = человек»²).

¹ Горбунова К.С. Культура и искусство Древней Греции. Л., 1959; Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972; Соколов Г.И. Искусство Древней Греции. М., 1980; Полевой В.Г. Искусство Греции. М., 1984; Борухович В.Г. Вечное искусство Эллады. Санкт-Петербург, 2002; Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Camb., 1992.

² Выпуск первых правильных металлических денег относится к VII в. до н.э. Сначала это произошло в городах Ионии, а с сер. VII в. чеканка монет стала распространяться и в Балканской Греции: на Эгине, Эвбее, в Коринфе и Афинах: Фролов Э.Д. «Рождение греческого полиса». Л., 1988. С. 95-96, прим. 10. Критическое отношение к суждениям Э.Д. Фролова, Т.В. Блаватской (см. ее работу: Черты истории государственности Эллады. XII-VII вв. до н.э. СПб., 2003) и др. недавно высказал И.Е. Суриков: Архаическая и классическая Греция. М., 2007. С. 186 сл. И.Е. Суриков в духе высказываний представителей новейшего скептического направления, утверждает, что введение чеканки монет в греческих полисах было обусловлено не столько экономическими факторами, сколько политическими мотивами, имея в виду под этими мотивами политические распри и устремления представителей аристократии.

В это время стали усиливаться противоречия как внутри аристократии, так и между знатью и формирующимся демосом. Борьба между этими социальными группами касалась, прежде всего, власти и перераспределения богатства³. Следствием этих конфликтов и противоречий, развития товарно-денежных отношений явилась греческая колонизация, приведшая к распространению греческой городской полисной культуры по всему Средиземноморью, а также за его пределами, в частности в Причерноморье.⁴ Результатом упомянутых конфликтов было и возникновение записи законов⁵.

В ходе борьбы как внутри аристократии, так и между знатью и сформировавшимся, еще недостаточно окрепшим демосом, устанавливались тиранические режимы⁶ (в Коринфе, Милете, Сикионе, Мегарах, Самосе, Афинах). Тираны, стремясь при-

³ Тема эта приобрела остроту суждений и критических замечаний в последнее время особенно в отечественной литературе. Основательный анализ сочинений западных исследователей новейшего скептического направления дал в своих работах Э.Д. Фролов (Рождение греческого полиса... С. 18 сл.; его же: Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 128 сл. Современными адептами новейшего скептического направления в отечественной литературе в той или иной мере можно считать И.Е. Сурикова (Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. С. 40 сл.); Х. Туманса (Рождение Афины – Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.). СПб., 2002) (см. критическое суждение об этой работе Э.Д. Фролова в указ. кн.: Парадоксы истории – парадоксы античности. С. 182 сл.).

⁴ О древнегреческой колонизации см.: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. С.141; там же см. обширную библиографию по данной теме (С. 141, прим.1); Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.: по данным эпиграфических источников. М., 1982; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции. Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. И.Е. Суриков, рассматривая в упомянутой книге «Архаическая и классическая Греция» проблему Великой греческой колонизации (С. 70 сл.), совершенно правильно указывает на то, что при выявлении причин выведения колоний важно уделять должное внимание и политическому фактору. Однако нельзя согласиться с автором, что во всех случаях выведения колоний ойкистами были аристократы – выходцы из древнейших родов и по этой причине утверждать, что основание колоний чаще всего было результатом борьбы за власть между отдельными представителями аристократических семей. И.Е. Суриков не возражает против того, что греческая колонизация была связана с ростом населения, вызванным демографическим взрывом. Тем не менее, его утверждение, подкрепленное суждением американского исследователя Д. Тэнди (Tandy D.W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkel, 1997. P. 19-58) о том, что демографический взрыв был результатом перехода к интенсивному земледелию в VIII-VII вв. до н.э. от экстенсивного скотоводства, характерного для гомеровского периода, совершенно противоречит данным гомеровских поэм, где, во-первых, о земледелии говорится чаще, чем о скотоводстве, во-вторых, землевладение в гомеровский период достигло такого уровня, когда наряду с многоклерными владельцами появилось немало и бесклерных.

⁵ Переход от норм обычного права к записи законов в Древней Греции VIII-VII вв. до н.э. был связан с ростом индивидуализма, индивидуального творчества и обострением социальных противоречий в обществе. В такой ситуации и возникла необходимость совершенствования социально-правовых отношений. Наиболее детально эта проблема в отечественной литературе изучена Э.Д. Фроловым в его работе «Рождение греческого полиса» (С. 120 сл., см. там же указания на современную зарубежную и отечественную литературу). Этой проблемы касается в своей недавней работе «Архаическая и классическая Греция» и И.Е. Суриков. Он подверг резкой критике работы Э.Д. Фролова, И.А. Шишовой (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991) и Г.Е. Залюбовиной (Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992). И.Е. Суриков полагает, что законы вводились в Древней Греции в VIII-VII вв. до н.э. «скорее для урегулирования отношений внутри самого слоя аристократии и для предотвращения междоусобной борьбы (стасиса) между знатными вождями (С. 74). Этот взгляд очень искажает реальную ситуацию, сложившуюся в греческом обществе в рассматриваемый период. Понятие «стасис», широко употребляемое античными авторами, трактуется вполне определенно как смута внутри гражданского коллектива полиса, а не просто борьба между аристократическими вождями.

⁶ Несмотря на предпринимаемые эсминетами-посредниками между аристократией и основной массой граждан – предупредительные меры, в греческих общинах непримиримые противоречия между формирующимся демосом и аристократией и соперничество между самими аристократическими вождями постоянно возбуждало социально-политическое брожение или смуту. В этой ситуа-

дать своему правлению блеск, окружали себя пышным двором, возводили богатые постройки, покровительствовали наукам и искусствам.

В такой обстановке углублялся процесс секулярной идеологии, наметившийся еще в гомеровский период и явившийся следствием выдвигания из коллектива индивидуальной личности. Индивидуализм как характерная черта психологии личности утверждался в экономике и политике, способствовал возникновению индивидуализированного творчества в искусстве и ремесле. Все это вместе создавало благоприятную почву для возникновения новых литературных жанров (различные формы поэтического творчества), так и для развития греческой философии и различных наук, в том числе и истории).

Все перечисленные процессы VIII-VI вв. обеспечили формирование греческой народности и связанное с этим противопоставление греков так называемым варварам, прежде всего персам, но также и тем народам, которые жили по соседству с эллинами⁷. Процесс самоидентификации, т.е. осознания себя единым греческим народом, а географического пространства, заселенного греками, как единого названия Эллада, также имел немаловажное значение для развития греческой историографии.

Итак, греческое историописание явилось созданием греческой городской полисной культуры, а его создателями были эллины или эллинизированные представители народов, живших по соседству с ними. Их пытливые интересы были обращены к прошлому, а в пространственном отношении к странам, ставшим объектом греческой колонизации. У греков не историк выбирал предмет описания, а предмет – политизированный мир – искал своего историка (Дж. Коллингвуд).

Отмеченные выше процессы, происходившие в VIII-VI вв., были характерны как для Балканской Греции, так и для других областей, но особенно они отчетливо и ярко обнаруживались в М. Азии⁸. Здесь умственный кругозор людей был шире. Это был район повышенной контактности. Милет и Эфес – родина философов (Фалес,

ции, поскольку основная масса граждан еще не способна была добиться реализации большинства своих требований, а аристократия не хотела поступаться в пользу народа своими традиционными привилегиями, поэтому на политической авансцене стали появляться влиятельные политические лидеры, как правило, из числа знати, которые, захватив единоличную власть, становились тиранами. При этом важно отметить, что архаическая тирания устанавливалась, прежде всего, в развитых в экономическом отношении районах, где острота внутренних социальных противоречий достигла особой силы. Главной особенностью старшей или архаической тирании было то, что она, с одной стороны, стремилась ослабить влияние и господство аристократии, с другой – не допустить чрезмерного усиления народа. При этом важно иметь в виду, что при всех издержках единоличного правления, в целях обеспечения своей популярности они проводили административные реформы, меры по благоустройству городов, укрепляли и обогащали полис. Но именно таким образом, они, возможно, того не желая, способствовали окончательному становлению демоса как своего могильщика. Наиболее обстоятельно исследовал проблему тирании, как старшей, так и младшей, в отечественной литературе Э.Д. Фролов (см. его работы: Греческие тираны VI в. до н.э. Л., 1972; Рождение греческого полиса... С. 158 сл. Там же см. ссылки на современную литературу). Проблему архаической тирании рассматривает в уже упомянутой работе «Архаическая и классическая Греция» также И.Е. Суриков. Однако он весьма критически оценивает сложившуюся в отечественной науке концепцию архаической тирании и вслед за Х. Берве и другими западными исследователями рассматривает архаическую или старшую тиранию как «аристократический феномен». Невозможно согласиться и с мнением И.Е. Сурикова о том, что «демос как раз был в основе своей удовлетворен деятельностью тиранов: его больше устраивало, когда над ним стоял один правитель». Поскольку царская власть в большинстве греческих полисов исчезла к VII в. до н.э., отношение основной массы граждан к тирании было скорее терпимым, нежели добровольно принимаемым.

⁷ О процессе национальной консолидации эллинов и их противопоставление варварам см. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса С. 136 сл.

⁸ Об Ионии как древнем центре греческой культуры см. Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1966; Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии. Л., 1975. Вып. 1; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 60 сл.; Жигунин В.Д. Очерки античной естественной истории от Гомера до Анаксагора и его последователей // *Μνήμη*. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В.Д. Жигунина. Казань, 2002. – С. 45 сл.

Анаксимандр, Гераклит). Здесь развивались отношения с различными странами и народами, иногда весьма отдаленными – с народами Понта (Черного моря), Египта, далекого Запада. Это побудило наиболее сметливых и пытливых граждан к сопоставлению культур. Именно с ионийской натурфилософской школой было связано и появление термина «История» (*istoría* – исследование, разыскание, историческое повествование, рассказ о прошлых событиях; термин происходит от глагола *istoréō*)⁹. Здесь появились и первые исторические сочинения, написанные прозой. Этих историков, предшествовавших Геродоту, а отчасти и бывших его современниками, принято называть логографами (от двух греческих слов *lógos* – рассказ; *gráphō* – пишу). Впервые этот термин встречается у Фукидида (I.21.1). В научный оборот это слово введено Ф. Крейцером¹⁰.

Немецкий исследователь, опираясь на литературу XIX в., рассматривал гомеровское общество как период «дикости». Поэтому, характеризуя этапы развития общественной мысли греков, выделял мифологический период (Гомер, Гесиод); период логографов (Гекатей, Гелланик); начало историографии (Геродот, Фукидид). Отечественные историки М.С. Куторга, С.Я. Лурье и А.И. Немировский возражали против такого схематического, прямолинейного деления¹¹. Сам термин «логограф» они считали ошибочным, подчеркивая, что этот термин у греческих историков имел пренебрежительное значение. Так, Геродот по отношению к этим авторам употреблял термин «*λογοποιοί*» (от «*λογοποιέω*»), т.е. те, кто выдумывал, измышлял небылицы, а Фукидид, употребляя термин «*λογογράφοι*», имел в виду своих предшественников, включая и Геродота, которых считал не более чем «рассказчиками басен» (Фукидид I.21.1).

В западноевропейской науке О. Шпенглер говорил, что у греков отсутствовал историзм и называл этот народ аисторичным, поэтому он не считал Грецию родиной историографии¹². У. Виламовитц-Меллендорф, возражая Шпенглеру, считал, что Геродот и Фукидид могут быть названы основоположниками истории, ибо вся современная историография основывается на началах, заложенных греками. Что же касается Востока, то он считал, что у семитов и других древневосточных народов сложилось историческое повествование, но не сформировалась историческая наука и не было историков.¹³

Немецкий историк В. Шадевальдт высказался на этот счет еще более определенно: «способность греков мыслить исторически и писать историю заложена в сути этого гениального народа. До греков народы лишь переживали и делали историю, но они не писали исторических трактатов, потому что то, что они совершали, они не понимали как историю»¹⁴. Приблизительно в этом же духе высказывался и Штрабургер, полагая, что уже Гомер был настоящим историком.

Конечно, необходимо освобождаться от крайних суждений. Несомненно, нужно учитывать своеобразие эллинского менталитета и изначально заложенные у них потенции. Но вместе с тем нельзя не учитывать и вполне объективный фактор, в частности то, что греческая историография оформилась к VI в. до н.э. Поэтому, если даже термин «*λογογράφοι*» не совсем точен, то в нем нельзя видеть только негативный смысл. Уже в VI в. существовало различие между понятиями *συγγραφεύς* и *λογογράφος*.

⁹ О термине *istoría* см. Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. М., 1969. Вып. 2. С. 115; см. также Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 19; его же Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 28 сл.

¹⁰ Creuzer F. Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipzig, 1845. См. к этому Momigliano F. Friedrich Creuzer and Greek Historiography // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1964. IX. P. 152.

¹¹ Куторга М.С. О различных видах бытописания у древних эллинов // Собр. соч. Т. II. СПб., 1896. С. 25 сл.; Лурье С.Я. Очерки по истории исторической науки. М.-Л., 1947. С. 51 сл.; Немировский А.И. У истоков исторической мысли. С.8.

¹² Schpengler O. Untergang des Abendlandes. Munch, 1920. Bd. I.

¹³ Wilamowitz-Moellendorf U. On Greek Historical Writing. Reden und Vortrage, 1926 P. 4 ff.

¹⁴ Schadewaldt W. Die Anfänge der Geschichtsschreibung bei den Griechen // Die Antike. 1934. S. 144 ff.

Если первый термин обозначал писателя прозаика вообще, то второй – писателя, рассказывавшего о событиях прошлого. Сведения, сохранившиеся о логографах у Страбона и Дионисия Галикарнасского, не позволяют характеризовать их только в негативном смысле. Страбон (I. 2.6) следующим образом пишет о логографах:

«Речь (у логографов – В.С.) прозаическая, по крайней мере, обработанная, есть подражание поэтической. Прежде всего, появилось на свете поэтическое изложение и приобрело славу; потом, подражая ему, не прибегая к стиху, но, сохраняя прочие поэтические особенности, писали свои произведения Кадм, Ферекид, Гекатей. Затем позднейшие писатели, постоянно отнимая что-нибудь от поэтических свойств, низвели речь к ее настоящему виду, как бы с какого-то возвышенного пьедестала».

Дионисий Галикарнасский дал более развернутое описание творчества логографов (De Thuc. 5): «Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопонесской войны. К числу их относятся: Евгеон Самосский, Дейох Проконнеский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, т.е. жили незадолго до Пелопонесской войны и прожили до времени Фукидида – это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и др. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немногим отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие – варварские, причем эти истории они не соединяли между собой, но разделяли по городам и народам и излагали их независимо друг от друга, преследуя одну и ту же цель: обнародовать для всеобщего сведения предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских архивах; обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего к ним не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с давнего времени, и некоторые необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый – все те, которые писали на одном и том же наречии, имели язык ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в большей мере, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени¹⁵».

¹⁵ Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Bd I. Berl., 1923-1930; Die Fragmente der alteren Geschichtsschreiber mit Kommentar bei F. Jacoby Die Fragmente der Griechischer Historiker. Bd. I. Neudruck mit Zusätzen. Leiden, 1957; Fritz K. von Die Griechische Geschichtsschreibung. Bd. I. (2 Teile). Berl., 1967; Rearson L. Early Ionian Historians. Oxf., 1939; Latte K. Die Anfänge der griechischen Geschichtsschreibung // Histoire et Historiens dans l'antiquité // Entretiens sur l'antiquité classique, t.4. Vandoeuvres-Geneve, 1956; Bury J.B. Ancient Greek Historians. London, 1958; Bernagozzi G. La storiographia graeca dai Logographi ad Erodoto. Bologna, 1961; Schade-waldt W. Die Anfänge des Geschichtsschreibung bei den Griechen. Frankfurt am Mein, 1990; Шеффер В. Очерки античной историографии. Вып. 1. Логографы; Ксанф, Гекатей, Акусилай, Харон и Ферекид. Киев, 1884; Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: в 2 тт. Т. 1. М., 1995 (репр.); Античная историческая мысль и историография. Практикум – хрестоматия. Авторы-составители А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2008. С. 9-33. Совсем недавно опубликовал свою статью о логографах И.Е. Суриков [ЛОГОГРАФОИ в труде Фукидида (I. 21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. №2. С. 25-37]. Автор делает вывод, что Фукидид в упомянутом сюжете имел в виду Геродота, считая его логографом, вкладывая в этот термин значение сочинителя речей общего смысла. Автор опирается на мнение У.Р. Коннора, считавшего логографов сочинителями речей. Эта точка зрения представляется мне не более чем остроумное умозаключение. Во-первых, Фукидид имел в виду прозаических писателей, составителей баснословных историй. Поэтому он и намекал на Геродота, в сочинении которого есть немало баснословных рассказов, мифов и легенд. Во-вторых, И.Е.Суриков вовсе не принимает во внимание толкований термина «логографы», данных Дионисием Галикарнасским (De Tuscudide, 5) и Страбоном (I. 21.1). Между тем, они не отличаются от того, как этот термин понимал Фукидид, разве, что их информация более пространная по своему содержанию.

ARCHAIC SOCIETY AND GENESIS OF EARLY GREEC HISTORIOGRAPHY

V.M. Strogetsky

Nizny Novgorod Linguistic University

e-mail:strogetsk@lunn.ru

At this work research a Genesis of early Greece History. An Author see a beginning of History in social institutions of Archaic Greece Society 8-6 BC. A Foundation and Development of Polis and Born of Individuality too, go to phenomenon of social necessary in memory about important facts. But Early History from her Beginning receive a clear individual character. Texts of First Historians Logographs were narrowly connected with epos and lyric and are reflected the social processes in Early Polis too.

Key words: History, Tradition, logographs, Society, archaic, Greece, Polis.